

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРИМЕР АНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖАН-ЖАКА РУССО

С.В. ЗАНИН

Статья посвящена анализу влияния примера Античности в контексте идей общественного воспитания у Ж.-Ж. Руссо. Отмечается, что непосредственный интерес к Античности у Руссо возник еще в детстве, благодаря чтению трудов Плутарха. В более поздние годы он изучал латинский язык и элементы языка древнегреческого, переводил на французский язык труды Тацита и Сенеки. В современной науке делается акцент на непосредственное знакомство Руссо с трудами античных авторов, в частности, под влиянием домашнего воспитания, которое он получил от отца, женеvского часовщика. Вместе с тем, в статье обращается внимание на то, что интерес к Античности у Руссо совпал с его жизненным выбором: он решил сделать карьеру писателя и композитора, а потому ориентировался на популярные образцы литературного творчества. Монтескье, Фенелон, маркиз д'Аржанс ввели античные сюжеты в контекст литературной и научной полемики. Этому примеру последовал и Руссо, в чем убеждает сравнительный анализ «Диалогов мертвых» Фенелона и «Прозопопеи Фабриция» в Первом «Рассуждении» Руссо. Сохраняя основную интенцию великого моралиста, а именно нравственное воспитание общества писателем на примерах Античности, Руссо переосмысливает ее в контексте собственной социальной антропологии. Античность — это не пример для подражания, а исходный пункт размышлений человека его времени о собственной социальной и культурной идентичности, отличной от прошлого. Руссо в качестве писателя-моралиста и политического мыслителя по сути решал задачу нравственного воспитания, в частности, в том что касает-

ся восприятия и оценки обществом и человеком его времени античной культуры.

Тема отношения Руссо к Античности не нова. Тем не менее, она остается актуальной, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, в том числе и новейшие¹. Приведем в пример и классические работы Мишеля Лонэ, который подчеркивал значимость «жневского воспитания» Руссо, сына часовщика, значимость политических и личных связей с ремесленниками республики, а также круга его чтения, в который входили в том числе и «Жизнеописания» Плутарха². Граждане Женевской республики нередко, что называется, примеряли на себя одежды республиканцев Древнего Рима. В его «Письмах с Горы» (1764) содержатся явные ссылки на Античность вообще и на «Анналы» Тацита в частности, первую книгу которых Руссо переводил с латинского языка самостоятельно (перевод сохранился). Не свидетельствует ли это о том, что культура Женевы, в том числе и интерес к Античности, привитый в детстве, оставалась с Руссо на протяжении всей жизни?

В 1740-х годах между Дидро и Руссо завязалась дружба. Руссо поселился в Париже и попытался добиться одобрения Академией наук своей реформы нотной записи цифрами. В это же время Дидро становится усердным читателем Платона и даже переводит с древнегреческого «Апологию Сократа». В «Рассуждении о науках и искусствах» Руссо (1748), как и в последующих полемических сочинениях содержится значительное количество ссылок на Античность, а в письме мадам де Варанс даже есть упоминание о том, что он самостоятельно изучал древнегреческий язык³. Отметим, что пристальное внимание к Античности неуклонно растет в образованных кругах французского общества века Просвещения, а на заре Французской революции, к примеру, Жорж-Жак Дантон выучил наизусть по-латыни речи Цицерона, готовясь стать адвокатом⁴. Вполне очевиден вопрос, что именно побудило Руссо, само-

¹ Touchefeu (1999), Champy (2018).

² Launay (1972).

³ Voltaire (1968–1995), № 146.

⁴ David (2012). Chap. 1.

учку, взяты за изучение древних языков и за чтение античных авторов на языке оригинала?

Думается, что ответ на него лежит не только в плоскости анализа идейного развития самого Руссо, поскольку ничто в 1740-х годах не свидетельствовало о том, что композитор-самоучка стремился самостоятельно овладеть основами классической образованности. Цели, которые он ставил перед собой в этот период жизни, были иными, а именно приобрести известность как композитор, найти средства к существованию, используя «дарования приятные, а не полезные», столь высоко ценимые в свете, и обеспечить себе и своей возлюбленной мадам де Варанс, находившейся на грани разорения, стабильный доход. Поэтому, в отличие от упомянутых ранее исследователей, следует сосредоточить наше внимание не столько на том, каких античных авторов мог читать Руссо, а на том, каким багажом знаний должен был обладать молодой человек, который стремился сделать карьеру в свете. Речь идет, прежде всего, о так называемой «общей культуре», элементом которой является и знакомство с античной литературой и древними языками.

В эпоху Классицизма и в век Просвещения переосмысление античного наследия занимает одно из центральных мест в произведениях таких властителей умов как Боссюэ и Фенелон («Похождения Телемака» и «Диалоги усопших»). Философские и эстетические предпочтения Великого века, вкус к Античности переживали настоящий ренессанс в первой половине XVIII века. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести имена маркиза де Вовенарга, прекрасного знатока античной культуры (Руссо ценил его произведения, о чем свидетельствуют «Письма с Горы», 1764)¹. Приведем в пример маркиза д'Аржанса, ставшего придворным у Фридриха II Прусского и опубликовавшего «Кабалистические письма» и «Философию здравого смысла», где обширные познания в области эллинистической культуры причудливо сочетаются с либертинскими идеями². Конечно же видное место в ряду знатоков Античности занимал Монтескье, который, в свою очередь, черпал в ней множество примеров и политических идей. Мог ли Руссо, же-

¹ Rousseau (1959–1995). V. III. P. 779.

² d'Argens (1738), d'Argens (1737).

лавший еще в 1740-х годах сделать карьеру в свете, оставаться в стороне от тех «модных тенденций», которые ярко проявили себя в культуре века Просвещения, в то время как он сам искал свой стиль, собственное красноречие и образцы для него? По-видимому, с этой же целью он предпринял в 1752 г. уже упомянутый перевод «Анналов» Тацита с латинского на французский¹.

Но совершенно очевидно, что восприятие Античности у Руссо происходило сквозь призму традиций Классицизма и Просвещения, по сути своей традиций *нравственного воспитания «публики» и морализаторства* на примерах, почерпнутых у древних авторов. Его не столько вдохновляли произведения античной литературы и философии, сколько пример того, каким образом их можно было использовать в его время, в том числе и ради успеха в свете. Если это предположение правильно, то следует выяснить, какие же именно авторы стали своего рода посредниками между Руссо и Античностью.

В «Исповеди» (кн. VIII) он рассказал, что первым наброском «Рассуждения о науках и искусствах» стала знаменитая «Прозопопья Фабриция», которую записал «под дубом» по дороге в Венсенский замок, где находился под арестом его друг Дидро, разрешение навестить которого он получил. Именно этот отрывок был помещен в окончательный текст его первого произведения. «Прозопопья» названа в автобиографических сочинениях Руссо «озарением». Многие исследователи, в том числе и такие авторитетные руссоведы как Жан Старобински, полагали, что в «Рассуждении о науках» его вдохновляли страницы «Жизнеописаний» Плутарха². Но в том то и дело, что в «Жизни Пирра», на которую ссылается исследователь, Фабрицию посвящено всего несколько слов. И не более того. Кроме того, у Плутарха Фабриций отнюдь не порицает «дурные нравы», тогда как у Руссо Фабриций выражает основную авторскую мысль: именно развитие наук и искусств привело к упадку нравов в обществе. Заметим по ходу нашего анализа, что именно эта мысль Руссо легла в основу знаменитого сочинения М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России».

¹ Volpilhac-Auger (1995).

² Starobinski (2001).

Парадоксальным образом, «Прозопопея Фабриция» у Руссо во многом сходна, как в отношении основной мысли, так и в отношении риторики, с «Диалогами усопших» Фенелона. Сопоставим эти тексты¹:

Текст Руссо: «Сократ начал бушевать в Афинах, старый Катон продолжил в Риме, против тех утонченных и нарочитых греков, которые подвергли искушению добродетель и ослабили отвагу своих сограждан [...]. «Глупцы, что вы наделали? — вы, владыки народов, сделали себя рабами легкомысленных людей, которых вы победили? Они правят вами. Чтобы обогатить архитекторов, живописцев, ваятелей и гистрионов, вы поливали своей кровью Грецию и Азию? Руины Карфагена теперь добыча флейтиста? Римляне, поспешите разрушить эти амфитеатры, разбейте эти мраморные статуи, сожгите эти картины, изгоните тех рабов, которые вас покорили и чьи несущие погибель искусства развращают вас»².

Текст Фенелона: «Я опасался [говорит Катон], что греки передадут нам в гораздо большей мере свои искусства, а не свою мудрость, а так же свои распущенные нравы в большей мере, чем свои науки. Мне не нравятся все эти любители играть на музыкальных инструментах, музыканты, поэты, художники, скульпторы. Все это лишь возбуждает любопытство и сладострастие. Я считаю, что следует сохранить нашу сельскую простоту, нашу бедную и трудолюбивую жизнь и занятия земледелием, и лучше уж вести грубую жизнь, меньше рассуждая о добродетели и больше ею пользоваться в жизни [...] Какая же тебе польза от того, что ты бросил свою родину в кандалы? [далее Катон обращается к Цезарю. — С. 3.] Это та слава, которую ты искал? Разве не более чистая и блистательная та слава, которая состоит в том, чтобы сохранить свободу и величие города-властелина мира, которую снискали Фабриций, Фабий, Марцелл, Сципион?»³.

Очевидно, Руссо вложил в уста Фабриция слова Катона из «Диалогов усопших» Фенелона, но изменил стилистику текста: Катон задает риторические вопросы, а Фабриций у Руссо выражает

¹ Здесь и далее переводы автора статьи.

² Rousseau (1959–1995). V. III. P. 14.

³ Fénelon (1983). P. 393, 405.

глубокое убеждение. Фенелон, очевидно, почерпнул свою речь Катона из «Жизнеописаний» Плутарха, переосмыслив произведение античного автора. Сравнение стилистики и лексики текста Руссо с текстом Фенелона убеждает в том, что последний оказался своеобразным передаточным звеном, так сказать, «посредником» между «Прозопопеей Фабриция» и Плутархом. Но он сохранил главную интенцию Фенелона, а именно нравственное наставление, обращенное к обществу и человеку его времени.

Таким образом, в середине XVIII века Руссо выступает в роли наследника традиций французских моралистов эпохи Классицизма, в частности, творчества Фенелона. Конечно, обширная и интересная тема влияния последнего на его творчество далеко выходит за рамки нашей статьи. Отметим лишь еще одно и далеко неслучайное лексическое сходство. В одном из сочинений Фенелон восклицает: «Отче, твои дети обезображены (*défigurés*)», погрязли в грехе¹. Напомним, что в описании статуи бога Главка, лежащей на дне моря и использованной Руссо в качестве образа «изначальной природы» человека в «Рассуждении о неравенстве» встречается тот же самый термин: статуя «обезображена» (*défiguré*) временем, так же как природа человека «обезображена» цивилизацией².

Очевидно, уже в ранних произведениях Руссо Античность используется в качестве примера в целях нравственного воспитания общества также как и в произведениях моралистов века Классицизма. В конечном счете «Рассуждение о науках и искусствах», где влияние этой традиции вполне прослеживается, было публичным дискурсом, адресатом которого выступали члены академии наук в Дижоне, но в более широком плане и французское общество, коль скоро произведение было опубликовано и вызвало бурную полемику в самых широких кругах, в частности, при дворе короля Польши Станислава Лещинского, тестя короля Франции. Почему Руссо непосредственно не ссылается на произведения Плутарха, Тацита и других античных авторов, которые он читал и даже переводил? Почему прибегает в своеобразному «посредничеству» писателей Великого века?

¹ Fénelon (1851). P. 102.

² Rousseau (1959–1995). Vol. III. P. 122.

Как нам представляется, ответ на этот вопрос дают несколько важнейших текстов Руссо. Во-первых, трактат «Об общественном договоре», где Руссо прямо утверждает, что сведения античных авторов о ранней истории Рима — «по большей части - басни»^{Но} «опыт ежедневно научает нас, по каким причинам происходят перевороты в державах: но, поскольку новые народы уже не образуются, нам остается всего лишь строить догадки, объясняя себе, как они образовались» в древности¹. Именно так и поступил Никколо Макиавелли в своем «Рассуждении на первую декаду Тита Ливия», которое Руссо читал на языке оригинала и высоко ценил, назвав его «истинным республиканцем»². Одним словом, дело не в том, какой была Античность на самом деле, а в том, чем она является для человека его времени или для человека времени Макиавелли. И пример подобной рецепции Античности в целях воспитания общественных добродетелей и гражданственности подал, в частности, Фенелон.

Во-вторых, именно неуместное в глазах Руссо сравнение граждан Женевы с римлянами стало своеобразным инструментом манипуляции, который использовала женеvская олигархия в борьбе с демократической оппозицией. Руссо в следующих выражениях пишет об этом в «Письмах с Горы», *обращаясь непосредственно к женеvцам*:

«Вы же, женеvцы, должны оставаться на своем месте и не стремиться к достижению высоких целей, поставленных перед вами, чтобы скрыть от вас ту пропасть, которую перед вами разверзают. Вы не римляне и не спартанцы, вы даже не афиняне. Оставьте в стороне эти великие имена, вам их совершенно не приличествует носить. Вы — торговцы, ремесленники, горожане, постоянно занятые заботами о своей частной выгоде, своей работой, своей торговлей, своею прибылью. Вы — люди, для которых сама свобода является лишь средством беспрепятственно приобретать имущество и надежно им владеть»³.

Граждане Женевской республики обладают собственной, как мы сейчас бы сказали, социальной идентичностью, отличной от

¹ Rousseau (1959–1995). Vol. III. P. 444. Руссо (2013). С. 213.

² McKenzie (1982).

³ Rousseau (1959–1995). Vol. III. P. 827. Руссо (2013). С. 466–467.

«римлян» и «афинян», ибо их социальный строй, а в более широком плане — социальное бытие — в корне отличаются от тех, что существовали у народов прошлого.

В-третьих, Руссо еще раз возвращается к вопросу об этой «идентичности» народов его времени в «Соображениях об образе правления в Польше», последнем политическом сочинении, содержащем глубоко продуманный план преобразований, осуществление которых, однако, не должно было разрушать национальные традиции. Обращаясь к полякам, Руссо отмечал, что европейские народы с их «изнеженными нравами» отличны от народов древности, а потому в XVIII веке более не существует законодателей, таких как Нума, Ликург и Моисей¹. Человеческая природа изменилась, а потому ни нравственное воспитание, ни реформы общественных и государственных институтов невозможно осуществлять, взяв за образец античные народы и государства. Быть может, именно это соображение Руссо объясняет отсутствие в его главном педагогическом сочинении — романе «Эмиль, или о Воспитании» — каких-либо ссылок на классическое образование Эмиля. Древние языки воспитаннику изучать не следовало, античных авторов читать не нужно, ибо он человек иного времени.

Очевидно, роль, которую Руссо отводит Античности в его время состоит не в том, чтобы она стала примером для безоглядного подражания. Она, скорее, повод для сравнения с тем обществом и культурой, что существуют ныне. Она становится у Руссо, если можно так выразиться, элементом «негативного воспитания» человека его времени: для того, чтобы понять кем он является и чем является общество, в котором он живет, необходимо для начала понять, кем и чем они в действительности не являются. Как представляется, именно в этом заключается у Руссо творческое переосмысление наследия французских моралистов века Классицизма. Этот взгляд на роль Античности в контексте «негативного воспитания» вполне вписывается в его социальную антропологию. Общественный человек развивается и меняется в силу отчуждения в обществе, частью которого становятся предрассудки и безоглядное увлечение «науками и искусствами», подражание интеллекту-

¹ Rousseau (1959–1995) Vol. III. P. 958.

альной моде, в том числе и моде на изучение Античности. Облик «изначальной природы» человека «обезображен», подобно статуе Главка, лежащей на дне моря, и необходимо освободить ее от этих напластований, указать человеку кем он в действительности является. Руссо в качестве писателя-моралиста и политического мыслителя по сути решал задачу нравственного воспитания, в частности, в том что касается восприятия и оценки обществом и человеком его времени античной культуры. Только это и оправдывало, по его собственному признанию в «Исповеди», то «печальное ремесло писателя», которым он, противно собственным наклонностям, стал заниматься.

В заключение отметим, что его творческий путь свидетельствует о фундаментальных изменениях в мысли Просвещения в том, что касается наследия Античности: она — не эталон или пример, которому следует слепо подражать, а точка отсчета в размышлениях о судьбах современной ему культуры. В исторической перспективе интерес к Античности, переосмысленной в ином культурном и политическом контексте, возродится в эпоху Французской революции, поначалу в ней найдут примеры возвышенных гражданских добродетелей, а затем, в эпоху Консулата и Империи, оправдание действий *pater patriae*, издающего *senatus consultum*.

Материал поступил в редакцию 11.02.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
11.03.2021*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Champy, F. (2018) *Exemples et modèles politiques: fonction critique de l'Antiquité chez Jean-Jacques Rousseau*, en cotutelle avec Rutgers university (N.J.), Thèse de doctorat en Littérature française, Sous la direction de Catherine Volpilhac-Augier et de James Swenson, en cotutelle avec Rutgers university (N.J.), Thèse soutenue le 06 juillet 2018, à Lyon.
- d'Argens (1737) *La philosophie du bon-sens, ou reflexions philosophiques sur l'incertitude des connoissances humaines: à l'usage des Cavaliers et du Beau-Sexe*, par le Marquis d'Argens. Londres: La Compagnie.

- David, L. (2012) *Danton: Le géant de la Révolution*. Paris: Albin Michel.
- d'Argens (1738) *Lettres Cabalistiques*. La Haye: Paupie.
- Fénelon (1851) "Instructions sur la morale, XVIII", *Œuvres complètes de Fénelon*, T. VI. Paris: J. Leroux et Jouby, libraires.
- Fénelon (1983) "Dialogues des morts, XXXVII et XLII", *Œuvres*, Vol. I. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.
- Launay, M. (1972) *Jean-Jacques Rousseau écrivain politique (1712–1762)*. Cannes: C.E.L. [Coopérative de l'Enseignement Laïc]; Grenoble: A.C.E.R. [Association pour une Coopérative d'édition et de recherche].
- McKenzie, L.A. (1982) "Rousseau's Debate with Machiavelli in the Social Contract", *Journal of the History of Ideas*. 43.2, 209-228.
- Rousseau (1959–1995) *Œuvres complètes de Jean-Jacques Rousseau*. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.
- Starobinski, J (2001) "Le premier 'Discours'. A l'occasion du deux cent cinquantième anniversaire de sa publication", *Annales Jean-Jacques Rousseau* 43, 9-40.
- Touchefeu, Y (1999) *L'Antiquité et le christianisme dans la pensée de Rousseau*. Oxford: Voltaire Foundation.
- Volpilhac-Auger, C. (1995) *Jean-Jacques Rousseau traducteur de Tacite*. Saint-Étienne: Publications de l'Université de Saint-Étienne.
- Voltaire (1968–1995) *Correspondance complète*. Genève: Institut et Musée de Voltaire.
- Руссо, Ж.-Ж. (2013) *Политические сочинения*. СПб.: Росток.

Sergey V. ZANIN

SOCIAL UPBRINGING AND AN EXEMPLE OF ANTIQUITY IN THE WRITINGS OF J.-J. ROUSSEAU

The article analyses the influence of Antiquity on J.-J. Rousseau's ideas of social education. It is noted that Rousseau's interest in Antiquity emerged in childhood and was stimulated by Plutarch's works. In later years, he studied Latin and elements of the ancient Greek language, and translated the works of Tacitus and Seneca into French. Modern scholars place an emphasis on Rousseau's direct acquaintance with the works of ancient authors, in particular, under the influence of the home education that he received from his father, a Geneva watchmaker. At the same time,

the article draws attention to the fact that Rousseau's interest in Antiquity coincided with his life choice: he decided to make a career as a writer and composer, and therefore focused on popular examples of creative writing. Montesquieu, Fenelon, Marquis d'Argens introduced ancient themes into the context of literary and academic polemics. Their example was followed by Rousseau, which is convincingly illustrated by the comparative analysis of Fenelon's *Dialogues of the Dead* and *Prosopopoeia* of Fabricius in Rousseau's first Discourse. While retaining the main intention of the great moralist, namely the moral education of society by the writer on the examples of Antiquity, Rousseau rethinks it in the context of his own social anthropology. Antiquity is not an example to follow, but a starting point for a person of his time to think about their own social and cultural identity that is different from the past. Being a writer-moralist and political thinker, Rousseau essentially solved the problem of moral education regarding the perception and assessment of the ancient culture by his contemporaries and society.

REFERENCES

- Champy, F. (2018) *Exemples et modèles politiques: fonction critique de l'Antiquité chez Jean-Jacques Rousseau*, en cotutelle avec Rutgers university (N.J.), Thèse de doctorat en Littérature française, Sous la direction de Catherine Volpilhac-Augier et de James Swenson, en cotutelle avec Rutgers university (N.J.), Thèse soutenue le 06 juillet 2018, à Lyon.
- d'Argens (1737) *La philosophie du bon-sens, ou reflexions philosophiques sur l'incertitude des connoissances humaines: à l'usage des Cavaliers et du Beau-Sexe*, par le Marquis d'Argens. Londres: La Compagnie.
- David, L. (2012) *Danton: Le géant de la Révolution*. Paris: Albin Michel.
- d'Argens (1738) *Lettres Cabalistiques*. La Haye: Paupie.
- Fénelon (1851) "Instructions sur la morale, XVIII", *Œuvres complètes de Fénelon*, T. VI. Paris: J. Leroux et Jouby, libraires.
- Fénelon (1983) "Dialogues des morts, XXXVII et XLII", *Œuvres*, Vol. I. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.
- Launay, M. (1972) *Jean-Jacques Rousseau écrivain politique (1712–1762)*. Cannes: C.E.L. [Coopérative de l'Enseignement Laïc]; Grenoble: A.C.E.R. [Association pour une Coopérative d'édition et de recherche].

- McKenzie, L.A. (1982) "Rousseau's Debate with Machiavelli in the Social Contract", *Journal of the History of Ideas*. 43, 2, 209-228.
- Rousseau (1959–1995) *Œuvres complètes de Jean-Jacques Rousseau*. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.
- Russo, ZH.-ZH. (2013) *Politicheskie sochineniya*. SPb.: Rostok.
- Starobinski, J (2001) "Le premier 'Discours'. A l'occasion du deux cent cinquantième anniversaire de sa publication", *Annales Jean-Jacques Rousseau* 43, 9-40.
- Touchefeu, Y (1999) *L'Antiquité et le christianisme dans la pensée de Rousseau*. Oxford: Voltaire Foundation.
- Volpilhac-Auger, C. (1995) *Jean-Jacques Rousseau traducteur de Tacite*. Saint-Étienne: Publications de l'Université de Saint-Étienne.
- Voltaire (1968–1995) *Correspondance complète*. Genève: Institut et Musée de Voltaire.